

**П**РИ ВЪЕЗДЕ в Ереван со стороны Арааратской долины на изысканной и вполне современной конструкции театр располагается, как так же по-своему стилизованный. Это острел на древних племенах, обитавших в государстве Урарту (Ванское царство) — претечку современной Армении.

Такое сочетание древнего с новейшим характерно для тысячелетней Ереван, каким он сегодня является зрителю. Не нужно глядеть на него сквозь розовые очки — он сам разок, как утренняя зоря. Выстроенный из розового туфа, город по-сарьяновски живописен. Неполотыряя площадь Ленина, замкнутая в кольцо четырьмя полукруглыми монументальными зданиями и величественным памятником Ильичу, как симфонический аккорд, дает тон городской симфонии.

Тому, кто помнит старый Ереван, одно, двухэтажный городок, с центром — огромной базарной площадью, где я грязь возлежал верблюды, невольно хочется начать сравнением настоящего с прошлым. Гордый и трудолюбивый народ построил ясный город с громадными проспектами, окаймленными пышной зеленью, разделенными вдоль асфальтированными дорожками, электрифицированными линиями, архитектурно скомпонованными озерами, каналами, волнами каскадами, с современной скульптурой, с просторными стеклянными магазинами и кафе, с таким театральным зданием, каких немного даже в нашей театральной стране.

Это вполне современное здание из стекла, железа и бетона, с величественным вестибюлем и фойе, уютным и уютным зрительным залом и просторными сценами, его пылающее крыло расстилается над спускающийся в гигантский провал фонарь, феерически светящийся в ночи в причудливом сочетании с каналами и полукруглыми мостиками маленькой «Евнесии», созданной в парке, где стоит здание театра.

На фронте театра вы увидите вырезанные в оранжево-красном туфе обелиски старинные театральные маски, запечатленные художником М. Сарьяном. Во всем подчеркнутая историческая преемственность встречает нас и в самом театре.

Сегодня идет современная комедия «Да, мир перевернулся», но вчера ставили трагедию о далеком прошлом — «Ара-прекрасный». Я не знаю, кто это Ара-прекрасный, умирающий и воскресающий бог Гезар, но я знаю и вижу, что спектакль умирающий от рук различных ужасов армянский народ навел воспоминание о розовом змее, когда она стала советской. И радость от этого тем сильнее, что я отчетливо вижу, как окрепшее самосознание народа, ставшего советским, наполняло национальную форму социалистическим содержанием.

Об этом красноречиво говорят и сценические произведения, которые мне посчастливилось увидеть в Армянском академическом театре имени Г. Сундукяна. Один из этих спектаклей был приурочен к 50-летию Советской власти, но мне кажется, что и другие два могут быть посвящены великой дате, настолько они социалистичны по своему художественному строю.

**В**СЕ ТРИ спектакля ставил Вардан Аджемян, отменный стилист, чуткий к автору, использующий свою богатую фантазию режиссера не на «самонаправление», а для создания многообразной и целостной системы сценических средств, естественно вытекающих из характера действия и натуры актеров. Если бы в жизни не знал Аджемян много лет, не видел в прошлом его известных постановок «Иза-за чести», «Утес», «Молля гвардия», «Вишневый сад», «Лодка Багдасар», «Намус», «Хаос», то мог бы понять его многогранность и целостность в замысле и воплощении, сопоставив только три нынешних спектакля. «Разлом», Б. Лавренева, «Мое сердце в горах» В. Са-

рояна и «Да, мир перевернулся» А. Папанова.

Героическая драма Лирико-драматическая поэма в прозе. «Отчаянная комедия». Именно так, а не иначе поставлены эти спектакли. И где бы, когда бы ни происходило их действие — в Петрограде, на разломе двух эпох, в Америке середины нашего столетия, в сегодняшнем Ереване — все освещено мысленно нашим современником, его личным, кровно заинтересованным соучастием в социалистическом преобразовании мира, его радостью за происходящее, болью за дурное, его нравственным поиском правды-истины. «Мое сердце в горах» — не новый спектакль, он играл много раз, но настолько счастливо соединились в нем выстраданное содержание с осмысленной (и, конечно же, вдохновенной) формой, любовь актеров к образам вылилась в любовь зрителя к самому спектаклю, что и сейчас он

с ее интуитивным пониманием добра и зла! А вся масса бедняков — белых и черных, аборигенов и иммигрантов, стекающихся на восторги Мак-Грегори, готовая поделиться последним с голодным артистом с голодающими поэтом и его семьей! Как трепетно внимают искусству эти бедные люди богатой Америки!

Все в этом гармоничном спектакле, в его образе, слышимом в режиссуре, нравственно богатой и стилистически чуткой, в сценичности, пластичности, гармоничности декораций (художник А. Григорян), в чарующей напевности музыки (А. Бабаджанян, из гражданственного лиризма вдохновенных исполнителей, — все направлено к мысли, выраженной в финальной реплике Джони, покидающего с родными свои дома, куда уже вселяются новые жильцы, такие же бедные, но еще способные уплатить первый

уставно трудящегося над переустройством мира. Он мягок, сердечен, участвует, он решитель, настойчив, бесстрашен. Он завоевывает людей на своем инстинктивном, инстинктивном, инстинктивном духу, а обаяние личности, еще не законченной, формирующейся в горниле революции, но уже активно влияющей на формирование других.

Интересно сравнить несколько постановок театра, но не менее любопытно сопоставить несколько зрительных залов по их отношению к каждой из постановок. Если существует интимная тишина на хак-хакане свавз зала со сценой, то именно она возвращается на спектакле «Мое сердце в горах». Ее смесью активная тишина, сосредоточенность, готовая взорваться под порывом героя «Разлома». Но такого гротеска, какой несет из зала на сцену к персонажам комедии «Да, мир перевернулся», я уже давно не слышал. И это понятно — театр смеется, он нет, театр смеется — откровенно, язвительно, здорово — над тем, что кажется смешно. А это, право, не грешно! Тем более, что осмеивается то, что должно быть подвергнуто осмеянию.

Конечно, у нас нет словесных предрассудков, и откуда им взяться там, где давным-давно упразднены сословия. Но ведь это факт, что жестко статистического толкования Шамова, как говорится, «забуревшая» Виктория, готова костями лечь, чтобы помешать своей дочери выйти замуж за простого рабочего. По крайней мере драматург Арамашот Палакян утверждает, что это факт... А Вардан Аджемян поддерживает его такой системой доказательств из браваурной темпоритмы, юного цвета и света (художник Саркис Арутюнян), по-честному уцелевшего комизма и сочной игры актеров, в первую очередь Г. Джикибяна (глава рабочей династии и коммунистической «семейной» бригады Маркар), А. Асоян (его жена), Г. Арутюняна (Шамова), что не верит всему происходящему невозможно.

По крайней мере еврейский зритель верит, а он знает, что правда, а что неправда, это видно по некоторым другим постановкам, которые не приняты зрителем (а вы что думали, что у суеверяков нет неудачных работ? Напрасно!).

Могут сказать: как невидаль, комедия с не очень оригинальными социальными осями, других коллективных проблем в сегодняшней жизни Армении? Действительно, нет что ли! Конечно, есть множество важных проблем, но ведь нет множества важных комедий. Однако я не сказал бы, что комедия Палакяна — тот самый рак, что на безрыбье... Это хорошая комедия, смешная и поучительная, в ней добрым словом освещены настоящие социальные проблемы, в ней злой сатире поперечны отставшие люди и недальние люди. Когда же в финале отчаявшаяся Виктория, вынужденная согласиться на «мезальяние», восклицает: «Мир перевернулся!», а почтенный Маркар мудро и насмешливо отвечает: «Мир перевернулся!», я думаю, что это — я с удовольствием присоединяюсь к овации зрительного зала.

**Т**ЕАТР имени Сундукяна, как и всякий большой, интересный театр, имеет славную историю, живет радостями и огорчениями, часто испытывает творческий подъем, но знает и тяжелые неудачи. Засей я хотел отвлечься, но мне нередко огорчался несовершенством спектаклями. На этот раз мне повезло: я видел действительно хороший театр, верный своим традициям крупного драматизма и крупного комизма. Время идет, оно берет свое, органика бы и романтики, которая определяла лицо театра, вымывается, принимает иные формы, но органика, как бы ни при этом теряется, что, ценно приходит вновь. Мне кажется, что театр на пороге, что он «меняет кожу», а это трудный, порой мучительный процесс. То, что ему дает воспоминание авторского стиля, как и само стремление к этому, обещает успех в поисках нового театрального стиля, базирующегося на продолжении неудавшихся традиций.

ЕРЕВАН.

# ВСТРЕЧИ В ЕРЕВАНЕ

М. ЛЕВИН

весь в неподдаваемой свежести премьеры.

К тому же сегодняшнее представление особенное, на него пришел, как говорится, «весь Ереван» — сегодня в последний раз выступает на сцене Ваграм Палакян, прославленный исполнитель шекспировских ролей, названный в «Романтиках» Назмы Хикмет «великим артистом». Его бурная, «неправдоподобная» карьера странствующего премьер-лауреата — от театра в Новой Зеландии, Хакони, Грасси, с самой Элеонорой Дуэ, общался с Саррой Бернар, Режия, Гордоном Крюгом, Антуаном, потраив в свое время Москву и Ленинград исполнением Отелло, обездол полмира и весь (да, весь) Советский Союз с шекспировскими спектаклями, описанный им самим в книге «По театрам мира» и «Жизни артиста», воспринимается как авантюриный роман. Непрессимая ностальгия — тоска по родине предков, страстный поиск идеала, нравственного искусства привели его в Советскую Армению, где он — народный артист трех республик Закавказья и народный артист Советского Союза — обрел душевное равновесие и почет. Когда по ходу спектакля «Мое сердце в горах» старый актер Мак-Грегори, которого играет Палакян, исполнил сцену из «Короля Лира», заслуживает и поэт Бен-Александр сказал: ушел, быть может, самый великий шекспировский актер! — еврейский зритель устроил овацию своему любимому Ваграму.

Да, он играл прекрасно, мой добрый друг Ваграм. Но с ним играл «на равных» поразительный ансамбль спектакля. Как забыть Бабену Нерсисяна — Бен-Александра, великого голодного, вдохновенного поэта, полного любви к жизни и окружающим беднякам любой национальности, но горько облобыленного против страны, где охотно печатают военные сводки, но не мирные стихи. Как не запомнить его сына Джони, исполненного прелестью Вардун Вардересян, маленького человечка, не по годам развитого, чуткого и чувственного, в диалогах с чехом Косаком — юным лавочником, разорившимся из-за нищенства «беднотвор», берущих товары в долг, диалоги, полные остроумия, душевности, искреннего лукавства, исполненные Вардересян в партнерстве с талантливым «грустным комиком» М. Мкртчяном, могут свободно вписаться в лучшие страницы театрального искусства. А бабушка Джони — Асмик Асриян

завозит за квартиру. «Что-то, где-то не так», — раздумчиво резюмирует мальчик. Что не так и где не так — явственно проступает сквозь тень спектакля, мягкого, лиричного, насквозь песенного, но порожденного гражданским сознанием природы и нравов капиталистического мира.

Вот так бедствуют армяне в Америке, подсказывают национальные чувства Вильямс Сарояна, вот так горько живут бедняки в Америке, говорят социальные чувства Вардана Аджемяна.

Естественно, что «Разлом» как героическая драма раскрывается в ином аспекте выразительности, в ином стилистике. Но не идите в постановку Аджемяна внешней героики, интенсифицированного громкоговора, поверхностного контрапункта между береневским и лабуныскими сценами.

В едином потоке идет революция, огненной лавой заливая хурки и гостиницы, разламывая мир на всех параллелях и меридианах одной шестой планеты. Это справедливая позиция, исходный рубеж для хужественной атаки. Но что же в душах людей, как разламывается их сознание, как складывается социальная психология масс, пробужденных революцией к действию, как преломляется революция в различных типах?

Для того чтобы рассмотреть этот важный для театра вопрос, режиссер как бы приглашает гул внешнего мира и всматривается в лица людей, избегая изображения толпы, даже в лабуныских сценах. Матросские массовки немногочисленны, но построены искусно, остро ритмично мизансценированы, в десяток-другой людей вы видите массу, на терза ощущение индивидуальностей.

Иной, чем обычно, Голун, и не потому, что он играет комедийный актер М. Мкртчян, тем более что это действительно зарытый комик играет лавреневского героя вовсе и не смеющимся. Иной Голун потому, что он не чужой в семье Береневых. Он здесь все привычно, но он взлохот, движется, беседует, пьет чай, как член семьи, и этим снимается бинальный контраст между матросской стихийностью и городской чинностью. Голун предстает в своем естестве как характер цельный, единый для любой обстановки.

Голун — Мкртчян весь в работе, в революционной работе коммуниста, свободной, рассказывая, но не